

В Ленинграде

В столице лучше жить или в провинции? В провинции открытее и добрее люди, нет сумасшедшего ритма и меньше обезличивания человека. Но есть провинциальная духота: почти все знают друг друга, сплетничают, раболепствуют перед любым начальством. Столица же полна возможностей. Жизнь бурлит событиями, в ней подвижной любая деятельность, театры, музеи, университеты с библиотеками обещают приобщение к большей культуре; кажется, что кругом больше свободы и просторней для творчества. И все же большой город давит: в нём меньше человечности, много нервозности, кругом бетон и асфальт, все бегут, не замечая друг друга. Москва и Ленинград по кипению жизни – столицы. Почти в каждой стране соперничают два города: политической столице противостоит культурная. В Ленинграде я впервые услышал о «понаехавших» и «коренных» и, заодно, про лимитную прописку.

Страсть к путешествиям дает легкость на подъем. Проехав четыре крупных города: Москву, Киев, Минск, Ленинград я решил, что останусь жить в последнем. С лимитной пропиской на педагогическую работу в Москве и Ленинграде можно было устроиться только воспитателем в профессионально-техническом училище (ПТУ). На работу меня взяли с удовольствием, чтобы воспитывать, т. е. утихомиривать ночами верзил кораблестроительного училища, и параллельно на полставки нашлась работа в школе. Воспитателю в училище предоставлялась бесплатно комната в общежитии. Впоследствии, живя в Ленинграде, я работал в основном в школе, а из-за жилья еще и воспитателем ПТУ или техникума.

Воспитатель в общежитии среди великовозрастных? – к этому трудно относиться не скептически. Взрослым юноша становится в 16-17 лет, если около него не культивируется инфантильность. И в 35 лет можно не повзрослеть около нянек. То, что из ПТУ бежали «коренные» воспитатели и их привлекали из провинциалов-лимитчиков, показывало, насколько советская школа не справлялась с воспитанием в нужный возраст. Преподаватели ПТУ, а это целая система подготовки всех специалистов не высшего образования, меньше всего идеализировали общество, глядя на поступающую молодежь. Сегодня в отношении к СССР можно наблюдать либо истеричную официальную ненависть и ложь жиреющих, либо слезную ностальгию раздавленного капитализмом стареющего поколения. Советское образование было менее одурачивающим и более многосторонним, чем в капиталистических странах и ровно настолько лучше, насколько социализм СССР, даже исковерканный сталинизмом или партократией, был лучше наемного рабства капитализма с фальшивой претензией на демократию. Социализм и капитализм — это тоже школьная тема и её не обойти, если касаться работы учителя или устройства школы. Общественное устройство радикально влияет на всех и на всё и уже поэтому нельзя сравнивать советское образование с сегодняшним вне социального строя. Жить при социализме и капитализме моему поколению выпало примерно двумя равными половинками; и эти половинки – две разные жизни.

Основное моё повествование будет о школе, хотя мне пришлось работать в Ленинграде в трех учреждениях: воспитателем в ПТУ, учителем в школе и руководителем туркружка на Станции детского туризма. Формальности трудоустройства можно было обойти при наличии двух трудовых книжек. В СССР не разрешалось иметь две трудовые книжки, но не все люди страдают добропорядочностью к косным законам. Советские люди, можно теперь заметить, в принципе имели больше внутренней

свободы, чем внешне раскованные сегодняшние и под честностью мало кто разумел формальность: тоже результат социализма.

В этой главе много биографического, но у учителей часто жизнь переполнена работой, а работа переплетена с биографией. Так, пожалуй, происходит у всех неравнодушных людей, для которых работа не только заработок. В эпизодических рассказах я не придерживаюсь рамок жанра на том основании, что «все жанры хороши, кроме скучного». Любителям чистого жанра лучше дальше не читать. Рассказывать буду по мере скромных учительских способностей, опираясь на искренность. Думается, искренность не мало значит для многих в наш век сплошь корыстных отношений и разобщения.

Туркружок в школе.

С директором школы в Ленинграде сначала не повезло: мужчин больше трусливых, чем женщин. Директор, где я сразу устроился работать на полставки, слушался своих напористых тёток-завучей и сторонился вместе с ними не только походов, а всего живого и нестандартного. Консервативная администрация – это спокойствие чиновников, и школа по меркам РОНО считалась благополучной. К немногим часам истории в пятых классах мне разрешили вести ещё туристский кружок. Но завучи сразу уперлись с разрешениями на далекие выезды со школьниками.

Так нередко бывало: кружок вести можно, но в походы - не больше, чем на день. А ехать далеко, надолго... зачем? Вдруг чего случится? Однодневный выезд тоже можно громко назвать походом. Вяжите себе узлы в кабинете на кружковых занятиях. Или «костер с одной спички» разожгите не во время дождя и не в лесу. Ну и два раза в год по дню можно в «поход» на окраину города сходить: вот уже и туризм есть в школе... для отчетности. А потом, даже и на районный слет выехать можно, тоже на день, и свозить туда десять человек из тысячи учащих в школе. И получить грамоту! Честь какая школе! Показуха и отчетность способны все выхолащивать из школьного туризма, как и из всего школьного образования.

Какой костер с одной спички? В походе, как и вообще за дверью школы, начинается жизнь. Это в классе можно про все хорошо сказать словами и пойти домой к маме умницей, а здесь, в лесу на другой день очень захочется покушать и спать тоже. В походе вылезет весь результат школярства: полная практическая непригодность во всём и, прежде всего, бытовая. В лесу надо устроить лагерь, кому-то сварить котел еды на всех. Если учитель, даже из лучших побуждений, сам все сделает, то ему предстоит всю ночь немало удивляться, как неблагодарны дети, которых не утихомирить до утра. Ну, а если никто не сварит, не поставит толком палатки, не устроит быт, то дело для всех может обернуться еще хуже... Достаточно выйти на три дня с любым классом, чтобы увидеть всю непригодность большинства подростков к любому делу, даже в походе, в который они собрались с удовольствием. Кроме всего учителя ужаснёт беспорядок в лагере и то, как бесятся вырвавшиеся на волю дети. К окончанию маршрута многие из подростков скиснут и поход большинству не понравится. Не только в поход школьники выходят такими, они и в жизнь чаще выходят то потерянными, то ошалелыми. А жизнь, как Мефистофель: любит надсмеяться.

Почему я цеплялся в школе за походы? Считал туризм лучшим из всех средств в работе со школьниками? Нет, конечно. Лучшее средство нашёл и обосновал педагог Макаренко. Его собрание сочинений на сегодня составляет девять томов. Антон Семенович организовал с детьми рентабельное производство, сначала сельскохозяйственное, а затем промышленное: целый завод. Притом, этот завод был передовым и давал большую прибыль. Кроме того, дети организованной им колонии

учились в школе, играли, как все дети; также они ходили в походы самые настоящие и далекие. Театр тоже в колонии был захватывающий. Но главное дело – участие детей в настоящем производстве. Это не игрушки, которые часто называют трудовым воспитанием. Производственный труд – основа существования взрослого человека. А полного сил подростка школа наполняет платоническими знаниями. Только труд, имеющий смысл для жизни научит школьника серьезно трудиться. Труд не сам по себе рабский, а полезный людям ещё и поднимает достоинство человека в своих и чужих глазах. Работать на настоящем производстве не 8 часов в день, а 2, 3, 4 часа, в зависимости от возраста в сочетании с учебой и активным здоровым отдыхом – лучшее средство воспитания по Макаренко. Такой необходимый и полезный труд лучше покажет подростку, для чего нужно учиться, чем назидания взрослых. Антон Семенович это доказал практикой, а когда его стали заедать за это чиновники образования, он нашел такое же обоснование у Карла Маркса. Макаренко – кость в горле у всех педагогических ханжей и импотентных теоретиков. Он дал 100-процентный результат: из двух колоний правонарушителей вышло несколько тысяч незаурядных людей. Неудачники профессора пишущие умные педагогические трактаты упрашивали Антона Семёновича взять своих собственных испорченных детей в колонию. Книги Макаренко, это не книги профессоров-неудачников. «Педагогическая поэма» – одна из лучших книг мировой классики и лучшая из всех педагогических. Вторая основа макаренковской науки и практики – воспитание в коллективе и через коллектив. Умение человека считаться с окружающими людьми, быть коллективистом – самое первое качество необходимое человеку, живущему среди людей. Конечно, капитализм культивирует в людях индивидуализм и коллективную мораль выставляет как стадность. Конечно, и советский социализм придавленный партократией придавал коллективизму ограниченное значение удобное правящему слою. Ни о каком участии школьников в производстве не могло быть и речи, несмотря на канонизацию Макаренко после его смерти и выпуска 7-томного издания в конце 50х годов. Тем более ни о каком участии детей в производстве со здоровыми целями не может быть речи в сегодняшних условиях при откровенной эксплуатации капиталом наемной рабочей силы. Вообще, внедрение достижений выдающегося педагога, сегодня невозможно представить не в России, не за рубежом, хотя Макаренко стоит иконой в ЮНЕСКО, как один из четырех самых великих педагогов 20-го столетия. Поскольку система не допускает лучшие внедрения новаторов, постольку многие учителя довольствуются хоть какими-то средствами, приносящими неформальный результат. Туризмом, как средством, не самым лучшим, но одним из лучших, я может быть чрезмерно увлекался, потому что школа, даже советская, была чрезмерно оторванной от жизни. Сегодня и это средство отобрано у учителей: детский туризм задужен в угоду коммерческому, он буквально преследуется чиновниками сразу нескольких министерств.

В новой школе я, конечно, бодался с директором, а с завучами больше отшучивался: их надутую важность невозможно было воспринимать серьезно. Но за учебный год наш туркружок все-равно успел немало. Кроме занятий по навыкам туризма мы сделали несколько выходов с ночевками по Ленобласти, сходили в большой поход на осенних каникулах в Карпаты в районе горы Говерлы и в мае уехали в Крым – довольно необычное путешествие.

Походы с оренбургскими и ленинградскими школьниками.

Необычным Крым получался потому, что в путешествие собрались и мои бывшие школьники из Оренбурга и ленинградские. Надо немного рассказать о том, что почти все участники Крыма были уже не новичками в походах. В Оренбурге я ходил в походы не

только с классом, в котором имел классное руководство, но и с теми, кому преподавал историю.

- А сходите с нами в поход! – скажет кто-нибудь из семиклассников. Этот вопрос будет задан тогда, когда учитель собирается спрашивать домашнее задание. В каждом классе есть мастер дискуссий не по теме, он же психолог, знающий слабые струны своих преподавателей.

- Что ж, можно и в поход сходить. – Не устоит перед ожиданием целого класса учитель. Поход разбавляет школьные будни и связывает многих дружбой. После него больше взаимопонимания между классом и учителем. Уже с восьмиклассниками сборной группой мы прошли спортивный маршрут по Западному Тянь-Шаню. Из Оренбурга – и на Тянь-Шань!

Как расширяется горизонт школьника за одну такую поездку! На поездах и автобусах по необъятной стране: степи Казахстана с двугорбыми верблюдами повсюду, Бухара, Самарканд с мечетями, минаретами и Регистаном из далеких веков, Тянь-Шань с бесчисленными хребтами, долинами и сияющими вершинами. И ещё маршрут через красивейшие снежные перевалы! И все это летом в жарком поясе! После такого путешествия возвращается другой человек. Он путешественник, повидавший часть мира! Он повзрослевший не меньше, чем на год! Разве можно так спрессовать жизнь, поехав с родителями на море, глядя лениво на мир из окна отеля? Да и много ли школьников из Оренбурга бывает хотя бы на море. А тут настоящее путешествие по Средней Азии: целый мир! Такое путешествие совершенно отличается от двухнедельного лежания на пляже с перееданиями. Взглянем на постные физиономии курортников: нет в жизни счастья. А с Тянь-Шаня мы все вернулись счастливыми!

Не все школьники могут сполна радоваться жизни. Даже на Тянь-Шань хотят ехать не все дети, а наиболее живые. Научиться человеку не пусто отдыхать так же тяжело, как научиться читать не глупые книги. Почему подростку не интересно одно, другое... и вообще мало, что интересно, в то время как другой его одноклассник занимается в театре, зачитывается книгами, ходит в походы и в учебе не плохо поспекает? Да, жизнелюбы не все. Часто встречаются баловни, которым ничего не интересно. Почему так? Это может быть один из главнейших вопросов, над которым родители ломают голову, тревожно глядя на сына или дочь. На эту тему что-то бредят психологи, но внятного ответа родителям не дают. Ленивых умом родителей устроит оправдание: мол, трудный возраст, пубертат. Родители с претензией или раненные потребительством возмущаются, что учитель не может заинтересовать на уроке своим предметом. Одних почему-то может заинтересовать, а других нет. Этот вопрос один из главнейших для родителей, для школы и для науки психологии тоже, которая подмята сегодня основательно псевдонаукой. Вопрос: почему одни дети с глубоким интересом к окружающему миру, а другим ничего не интересно? – мы затронем в специальной главе. А здесь я продолжу рассказ о ленинградских школьниках, которые соберутся вместе с оренбургскими для похода в Крым.

Ленинградцы тоже ходили в поход по Карпатам на осенних каникулах в октябре. Наша группа через Мукачево выехала на Рахов и пошла тропой по реке Тисе в сторону горы Говерлы. Осень в Карпатах в этот год капризничала, она неожиданно перешла в раннюю зиму, которой удивлялись не только мы, но и местные жители. Внезапно навалило снега по колена, и на второй день нам пришлось с утра до вечера тропить своё продвижение несоответствующей сезону обувью. Все в группе были еще новички, набранные из двух девярых классов. В этом моем первом питерском походе, как на подбор, собрались симпатичные барышни и мало было парней. Старт сразу оказался

трудным. К вечеру все серьезно устали. Кто мог злился на сложившиеся обстоятельства, многие жалели, что впряглись в рюкзаки: складывался не лучший вариант первого похода, чтобы привить интерес к последующим. Ночевать в палатках с промокшей от снега обувью и одеждой новичкам не по силам, вернее, трудно с ними, незнающими своих сил, расчистить места под палатки, организовать костёр на снегу и приготовить горячий ужин. А до предполагаемого домика лесника тоже далеко. Неточные карты и ожидаемое наступление темноты усугубляли дело. Я решил бежать к домику, чтоб не заблудиться в ночи, а школьники дружно повалились на рюкзаки, готовые замерзнуть в лесу. Состояние апатии от усталости и вообще уныние – худшее состояние в трудную минуту. Во всю мощь я мчался на поиски предполагаемой хижины, чтоб затащить туда уставшую группу. Среди деревьев с опавшей листвой наконец показался домик, а из оконца его чуть брезжил свет. Это уже больше, чем надежда. Надежда улыбнулась в этот раз: в помещении располагалась небольшая группа туристов из Минского университета, и огромный бородач разливал по кружкам горячий чай.

- Мужики, у меня школьники сидят в снегу. Помогите! – выдавил я задыхаясь.

- Где они, сколько до них ходу?

- Я бежал к вам минут сорок.

Студенты мигом выбежали за мной. В группе моей уже было упадничество, при сгущающихся сумерках. Две девочки плакали, остальные боролись с холодом, как могли. Закинув на плечи по два рюкзака и взяв под руку особенно печальных девушек, минчане завели нас в натопленный домик. Горячий чай быстро всех приободрил. Промокшую обувь можно было подсушить и переодеть сухие носки. Под гитару мы даже запели от радости.

Весь день не ели, все были голодные и дежурные старались спешить с ужином. Я помог натопить из снега воду в котлах, проговорил с дежурными что и как надо варить и посчитал свою роль исполненной. Дежурили не очень ловкие юноши и довольно скоро запахло подгоревшей едой. Также юноши умудрились в одном и том же котле густо заварить чай и в него же бухнули макароны, вместо рядом стоящего ведра на печи. Макароны вовремя не размешали, они слиплись, и парни катали в котелке мучной ком, облепленный хлопьями заварки. Отогнав безруких молодцев от кухни, я порубил длинным ножом ком и кинул в содержимое тушенки. Посолил, ещё все покипятил, и с большой голодухи подгорелые макароны были съедены полностью. В темноте кто-то заподозрил не стерильность ужина, но его успокоили, мол тушенки много положили. Усталость и тепло быстро повалили всех в сон.

На другой день была победа: в буран мы поднялись на Говерлу и сошли в новый домик лесника. В последующие дни установилась хорошая погода, но снег не таял. Карпаты явились нам во всей своей красе, присыпанные свежим снегом.

В домике лесника было принято всеми останавливающимися оставлять немного продуктов для тех, кого застанет непогода или бедствие. Мы тоже оставили пару килограммов гречи, хлеб и тушенку в обмен на найденный добрый шматок сала. Пока варился ужин, мои красавицы пробовали сало с хлебом. И пару килограммов, как не бывало! Запомнилась фраза милой девушки:

- Видела б моя мама, что я ем сало!

День спустя мы ходили еще радиальным маршрутом, а к вечеру за чаем всем вспомнился первый домик лесника, который мы искали, выбиваясь из сил. Наперебой все стали рассказывать, кто как себя повел, когда прижали холод и усталость. Подведение итогов обычно проводится в последний день перед отправлением домой, а мы только заканчивали пешеходную часть: видимо навалившиеся впечатления

требовали выхода. Слабостей своих никто не стеснялся, и мы о них говорили и над ними вместе смеялись. Этот разговор был вызван еще и удивлением над тем, как каждый из нас мало знает себя, когда давят трудности. Критику в основном все воспринимали хорошо.

Мне сказали спасибо за настоящий поход, в котором проверяются люди. Отзыв для меня был неожиданным. Поход начался жестко с неподготовленной группой и в последствии я много думал, насколько именно в этом, технически совсем несложном походе, мной была превышена мера риска. Мы могли бы не выйти на хижину лесника. Да, в эти годы я был уже опытным инструктором и сильным по молодости. С теми, кто не пал духом мы все равно бы сошли за ночь вниз к какому-нибудь жилью. Но, не все бывает предсказуемо, где только одна стихия природы. Трудно сказать, сколько бы человек не пало духом. Риск неоправданный все же был. Вся жизнь – риск, и чем ответственней человек, тем больше он рискует. Учитель, выехавший с классом в любую поездку, даже в комфортных условиях тоже рискует. Не редко я водил школьников в походы более технически сложные и в более суровых условиях, но Карпатами в последствии измерял насколько риск оправдан. Одно дело, риск опытных альпинистов, отвечающих за себя, другое – группа школьников. Школьники мои, мне кажется, большой опасности не заметили: они надеялись на меня. Я открыто касаюсь острой темы, потому что риск нужен, как необходимый инструмент учителю, и в то же время он имеет жесткие границы. Риск – диалектическая величина, которая непостижима для чиновников, святош и прочих педагогических евнухов, но необходимая для учительского творчества, для работы на результат. Риск должен уравниваться осторожностью, разумеется, осторожностью не чиновничьей.

...Ребята изо всех сил старались дежурить, у нас налачился походный быт и больше не было уныния. Маршрут завершился хорошо, мы выучили немало песен под гитару и гнёт первых дней забылся. Во Львове к нам отнеслись с большим уважением, как к восходителям, и предоставили бесплатно ночлег во Дворце пионеров. Львов – уютный и необычный город, даже для ленинградцев: он не мог нам не запомниться. Из него мы уезжали на поезде домой. В Ленинграде на вокзале нас встречали родители. Из долгих поездок родители всегда встречают детей, как с фронта: с распростёртыми объятиями, с прощением всех прошлых грехов и готовые их бесконечно баловать. Они удивлялись тому, что мы пели и пели в кругу! Старшеклассникам не хотелось расставаться после Одиссеи. Барышни плакали. Родители умилялись, не подозревая, что их дети претерпели. Дней через несколько родители догадаются, что их дети повзрослели.

Со своими учениками из Оренбурга я переписывался. Они тоже закончили девятый класс и тоже захотели в Крым в мае. Им не нужен был взрослый сопровождающий; они уже знали серьёзные походы, а их родители были воспитаны нашими авантюрами. Я написал школьникам письмо в духе, что если они чего-то значат, то смогут убедить родителей в своей самостоятельности. В письме тут же назначил руководителем оренбургских школьников девятиклассника Влада – одного из надежнейших походников. Питерская и оренбургская группы встретились в Симферополе.

В Симферополе в окрестностях нельзя не посмотреть Бахчисарайский дворец и пещерный монастырь поселенцев византийской эпохи. Стихи Пушкина в Бахчисарае замечательно читала нам экскурсовод, а в пещерах мы остались на ночлег. В этом таинственном месте ханом Гиреем, т. е. мной и всеми уже посвященными было проведено «Посвящение в туристы» нескольких новичков, с клятвой ходить в походы.

Обряд освящался поеданием ложки сгущенки, в которую были подсыпаны традиционная заварка чая, соль и молотый перец. Живя в социалистической стране, мы смотрели на христианство и ислам, как на безвозвратное историческое прошлое и нас нельзя уличить сегодня в святотатстве. Святотатство – это явившаяся вдруг дикая коммерция и коррупция около храмов. Зареставрированный монастырь с новыми строениями, торговыми лавками и раскрученной коммерцией для шопинговых туристов напрочь уничтожили дух древности и историческую ценность древнехристианского поселения. И удивительно само по себе, как целые атеистические нации со сменой общественного строя тут же «пришли» к богам и религиям. Религии начали претендовать на монопольное право «духовности» народов, а школе стало незачем заниматься воспитанием. Хватит с неё образования и тоже на манер сменившегося строя.

После ночлега в монастыре мы сели в троллейбус – на самую длинную в мире троллейбусную линию и хор в сорок человек затянул песню Визбора «Не верь разлукам старина». Пели и другие песни, пока не приехали в Ялту. Линия: Симферополь – Ялта тянется больше 80 км. Водитель, молодой парень, так проникся нашим воодушевлением, что категорически отказался брать с нас плату за проезд.

В Ялте в те времена не было ещё туристской давки несмотря на то, что город был курортным. Курорты, санатории, турбазы, пляжи более-менее размеренно тянулись по всему морскому побережью. Мы, разумеется, были «дикими» туристами и не привязывались к пансионатам. Искупавшись на городском пляже, все сразу стали рваться в горы. Отдыхающие в Крыму поднимаются на подъемнике на лысую Яйлу к Ай-Петри, но такой комфорт рассчитан на разморенных пляжем и солнцем курортников. Пешеходная тропа с набором высоты больше километра – это всегда маршрут на целый день; с полными рюкзаками и на два дня хватит. Обзорная панорама с Ай-Петри великолепна, а с тропы таких видов открывается сотни, под разным углом показывая огромную часть Черноморского побережья.

На тропу из Алушки мы попали не сразу, потому что ошиблись с автобусом. Пришлось сначала напролом идти по крутым травяным склонам, осыпям и морене; после обеда все же маршрут налажился. Крым выше Алушки и Ялты – это заповедные хвойные леса и выступающие громадные скалы, а оглянуться назад, с высоты птичьего полёта можно видеть череду городов, вдаль убегающие берега и бирюзовое море до горизонта.

В Крыму легко путешествовать и нет надобности обо всём рассказывать в деталях. Маршрут наш складывался гладко, да и как ему еще складываться в майское цветение и хорошую погоду. К тому же среди оренбуржцев было больше юношей достаточно спортивных; они были также более ловкими в быту. От Ай-Петри с подъездами по серпантинам мы вышли к Чатыр-Дагу, а затем к скалам Демерджи и спустились на побережье вблизи Алушты. Походный маршрут всегда хорошо перемешать с экскурсионной программой. Мы ездили в Артек, на Поляну сказок, в Ботанический сад, в Дом-музей Чехова, смотрели Ласточкино гнездо и крымские дворцы с ливанскими кедрами.

У костра однажды кто-то вспомнил о традиционном «капустнике» и до всех дошло, что путешествие оканчивается. Предпоследний день прошёл в творческих муках. Несмотря на жару, народ сосредоточенно готовился к вечерней программе, периодически забегая в море. Вечером состоялось настоящее театральное представление: весь поход и его участники были представлены в лицах миниатюрами, стихами и песнями. Спать пошли под утро, но тоже не все. Молодые люди

поперевлюблялись. В Симферополь мы также вернулись на троллейбусе с песнями. Первыми уезжали домой оренбуржцы.

Прощание было эмоциональным и не поддающимся описанию. Послепоходная дружба имела многолетнее продолжение. Оренбуржцы год спустя приезжали в Ленинград, а для ленинградцев уже в их студенческую пору устраивался байдарочный сплав по Уралу. Я в этом сплаве не участвовал, потому что отправлялся в поход с новыми школьниками.

К крымскому путешествию можно упомянуть еще про два явления. На подведении итогов в последний день старшеклассники упрекнули меня в том, что пешеходная часть маршрута была слабовата. Упрёк верный, хотя и редкий во всех проводимых мной походах. На будущее его надо было учесть. В последствии у меня были ещё походы в Крыму с другими группами, и все они начинались с Большого Крымского каньона. Каньон одолевался частично по воде, а когда воды оказывалось много и по скальным стенам. Привалы делались около «Ванн молодости» или на полянах после одоления водопадов и скал. Тропа в ущелье оставалась чуть притоптанной, туристы на удаленных маршрутах не оставляли после себя мусор, а за прохождение каньона никому не приходило в голову брать деньги, как сегодня. По трудности одоления маршрут по каньону был достойным и красивым.

И второе: случился конфликт, который за день и разрешился. Сначала наметилась какая-то раздражительность между двумя лидерами, в которую втягивалось еще несколько человек. Неявное или явное недовольство друг другом сопутников и маленькие интриги вскоре становятся заметны многим. К этому не ладится с дежурством, и мне нельзя уже не возмущаться. Тут же много пустой говорильни и выпирает бравада отдельных персон в виде самоутверждения. Причины такой атмосферы размыты и не сразу понятны даже тем, кто потоньше и попроницательней. Ситуация, как с роднёй: все одной крови и все втянуты в пересуды; отдельные родственники тренируются в эгоизме и хотят, чтоб их любили больше остальных. Трудно даже сформулировать суть конфликта. Иногда надо дать такому закисанию развиваться, а иногда его нужно пресечь. В группе с новичками можно не расстраиваться: лучше всего выйти на тропу с рюкзаками, побольше пройти и блажь чаще всего сбрасывается. А как быть не с новичками? Все долго ждали путешествия, собрались вместе и вдруг капризы... По плану у нас дневка, мы отдыхаем на поляне. Почему нужно давить всех ходьбой без надобности, если нейдет троим или четверым? Почему мы не можем попеть, помолчать, поговорить слыша друг друга? Можно и погулять не кучей, если устали от общения. Все эти старшеклассники, уже взрослые люди, были мне дороги – я боролся с обидой. Ушел от всех очень расстроенный. На природе не так тягостно одиночество и обобщеннее работает мысль. Я готовил какие-то аргументы, но они негодились. Вечером конфликт исчерпался без слов и дальше путешествие продолжилось без заноз. Как скоро группа избавится от заноз, сильно зависит от ее состава. Наш состав был неплохой.

Новые планы на путешествие обычно рождаются во время заканчивающегося старого похода, но летний замысел с ленинградскими школьниками нам категорически запретили. Я решил уволиться из школы. Написал заявление об увольнении «в связи с трусливым отношением директора к походам» и уехал в горы: сначала на Памир, а затем на Кавказ. Отпуск воспитателя общежития на второй работе был не менее длинным, чем учительский.

Воспитатель в общежитии ПТУ.

На Кавказ меня позвал коллега по ПТУ Кораблев «Михал Михалыч». У Миши золотые руки, он сильно увлекался горным туризмом и был уважаемым преподавателем. Здесь, пожалуй, уместно сказать немного о преподавателях и учащихся ПТУ. Педколлектив училища имел не мало толковых преподавателей, а некоторые из них были абсолютными оригиналами. В послешкольном образовании основанием служили три ступени: ПТУ, техникум, ВУЗ, т. е. последовательно готовились квалифицированные рабочие, технологи разных уровней и инженеры. В ПТУ в основном шли все, кто слабо учился в школе. «Путяга» не считалась престижным заведением и «путяжники», как они сами себя называли, были не легкой воспитательной средой. Про этих учащихся можно сказать, что они не любили и даже презирали теоретическую учебу, но выглядели лучше на учебных станках и вообще в практической работе. И здесь в ПТУ, как в школе, сказывалась оторванность надуманных программ от жизни работы, на специальность которого молодежь уже определилась. Теория тоже может быть приближенной к жизни, но академический подход не брал в расчет «путяжника». Теперь говорят, что советское образование было лучшим в мире. Но весь мир, мягко говоря, не совершенен: советское образование было лучшим среди худших. Можно представить, какое ничтожное образование вообще, почти во всем мире. И всё логично: образование и наемное рабство в другом сочетании и не могли бы сосуществовать. Образование это не только профессия и знания, это ещё и одурачивающая идеология. Советское образование обосновывало искорёженный социализм; буржуазное образование служит откровенному наемному рабству. Эти задачи отчасти возлагаются на учителей, преподавателей всех учреждений, воспитателей. Разумеется, реализация этих задач ставится вполне высокоморальной терминологией и с прекраснотдушными устремлениями. Поэтому все реформы в образовании, даже уничтожающие все, что было создано прежде, имеют вид благих намерений.

Слабонервные преподаватели, попробовав себя на благородном поприще, сеять разумное доброе, вечное быстро убегали из училищ. Оставались преподавать люди с характером. Когда в общежитие приходил Юрий Вениаминович Сирота (ударение на второй слог), его питомцы, втянув голову в туловище, бежали в свои комнаты изобразить порядок в них и даже разложить учебники открытыми, которых никогда не читали. Предупреждающий возглас: «Сирота!», – звучал для всех, как сигнал бедствия. Но, предупреждать и не нужно было особенно. Железный голос преподавателя слышен был сразу на четыре этажа, и я не мог не радоваться его приходу: он выполнял мою работу. В училище на своих уроках он двумя-тремя словами приковывал к классной доске самую распущенную шпану. Бедой для неё была его способность видеть каждого своего воспитанника насквозь. На его лекциях была образцовая тишина; лекции он не читал, а «забивал гвозди каждым словом». Этот человек при всей внешней строгости был добрым, а коллеги отмечали даже некоторую сентиментальность в нем. В трудную минуту некоторые «отпетые путяжники» ходили исповедоваться к нему. Двое учащихся, которых я встретил десятилетием позже признавались мне что, если бы не Сирота, они бы сидели в тюрьме... Или Бутов Аркадий Федорович – капитан первого ранга в отставке, невысокого роста, лысоватый и очень эмоциональный человек. Его речь, чаще с подвохом, учащиеся и коллеги слушали всегда с напряжением: сейчас моряк что-нибудь выдаст. Слова поражали искренностью и образностью, от которой валились все со смеху. Редко, но в самый нужный момент, речь пересыпалась матерком, и капитана никто не считал матерщинником. Ученики моряка любили и побаивались; капитан тоже мог обнять ученика по-товарищески или наоборот – дать понять разницу между салагой и морским волком. Бутов тоже немало кому помог в жизни из училищного хулиганья.

Наверное, сама трудновоспитуемая среда шпаны просеивала и создавала такой тип преподавателей. Хотя в училище работали и несколько женщин - довольно красивых и мягких характером.

На фоне строгих преподавателей я считался добрым. Добреньким быть легко, и это не хорошо, но на большую требовательность меня здесь не хватало. Я старался выполнять обязанности воспитателя и не более того. Невозможно гореть на двух-трех работах. Школа была основным делом, там я работал пристрастно; в этом пристрастии, может быть, и ломал дров больше, чем надо. И добреньким в школе не считался. Так я и ушел в последствии из ПТУ, оставшись во мнениях многих учащихся и преподавателей интеллигентным воспитателем. Сюда же в зачет мне пошло одно мероприятие: наше училище заняло первое место в художественной самодеятельности среди ПТУ Ленинграда. Участников конкурса в основном представляли дамские училища, а мы – мужики большой команды в три гитары (я был на сцене вместе со своими воспитанниками) пели переделку Окуджавы: «Ваше благородие», и остроумно шутили в зале среди девушек про изъяны профтехобразования. После этого вечера уже в общезнании учащиеся спросили меня:

- Почему Вы не перейдете к нам работать полностью?

- Нравится школа. Воспитанием нужно заниматься, как можно раньше, – оправдывался я.

- А мы пропащие, – иронизировали про себя «путяжники».

Отпуск в горах.

Я уже упоминал про «Михал Михальча», с которым мы вместе ходили в горы. Миша был не просто Кораблев, он еще закончил «Корабелку» – престижный ленинградский институт и преподавал в кораблестроительном училище. По всему ему бы надо ходить в море, но он любил горы. На Кавказе, кажется, нас было 8 человек. Мы ходили в горную «пятерку» – поход высшей категории сложности. Такие маршруты обычно тянутся через вершины, ледопады, перевалы и поднебесные плато, не выходя три недели из снегов. Центральный Кавказ между Эльбрусом и Казбеком может соперничать по красоте с Гималаями, Каракорумом, Памиром, Кунь-Лунем несмотря на то, что он хребтами ниже гигантов на 2-3 километра. Величие Кавказа открывается на высоте 4-5 тысяч метров, и никто этого величия не видел, кроме горвосходителей высокого класса. Дыхтау, Стена Безенги, Гестола, Тетнульд, Чатын, Ушба, пик Щуровского – все эти пики, башни, ледовые плато наверху открывают шокирующие панорамы, о которых не подозревают простые смертные. В этих словах не пафос. Есть неизвестная планета на больших высотах: в непогоду она смертельно опасна, в погоду – концентрированная красота Земли. Всех этих потрясающих картин невозможно увидеть снизу даже из Сванетии или Кабардино-Балкарии – красивейших областей Кавказа. А наверху там – немногие из альпинистов дерзают на трудных маршрутах! Руководителем «пятерки» у нас был Саша Крупенчук – врач, лучший врач, каких мне пришлось увидеть в экстремальных условиях. Его жена тоже в команде. Она тоже врач, врач-логопед, в последствии написавшая немало книг по своей профессии... В общем, в команде интеллигентных людей мы долго обитали в снегах, проклинали все, когда было очень сурово и восхищались мирозданием в погоду. Потом спустились в Баксанское ущелье.

После всего этого маршрута все, кому позволял отпуск остались еще, чтобы для души сделать восхождение на Эльбрус: акклиматизация у нас есть, в погоду гора не трудная, всего 2А (вторая категория трудности, не пятая сверхтрудная). Восхождение по классическому маршруту предельно удобное. Нужно подняться на подъёмнике до 3800 метров и пройти немного до «Приюта Одиннадцати» на 4200 метров. Можно спать в

палатках на снегу, а если есть места, то в самом приюте. Места были, и мы млели от комфорта. Я глядел на красивую девушку и думал:

- Ей-то зачем сюда забираться?

Девушка обратилась ко мне.

- Вы, наверное, играете на гитаре? У нашего руководителя сегодня День Рождения, надо его поздравить. Давайте, Вы сыграете, и мы вместе ему споем.

На нашу репетицию вышли из комнат еще несколько красавиц. Насколько мог я лобал на гитаре. Миша подтрунивал там, где я не попадал в лады. Кто-то остроумно привел изречение Окуджавы: «Научившись брать три аккорда – я стал композитором». В компании уже много смеялись, и на шум вышел именинник. Экспромтом знакомые и незнакомые все, кто жил в приюте, начали справлять именины. Именинником был Эдуард Ефимович Циперсон – легендарный человек в детском туризме Ленинграда. На Эльбрус он вел учителей (преимущественно учительниц), приобретавших опыт инструкторского руководства категорийными походами со школьниками. Какая ещё страна в мире имела таких учителей! Эдуард Ефимович попросил нашу команду подстраховать его группу на случай непогоды. Небритые мужики преисполнились миссией около женщин. Но праздновать нельзя было долго. Отбой в приюте всегда не поздний, потому что для восхождения все просыпаются в 2 или 3 часа ночи, чтобы выйти в ночи и спуститься с вершины раньше обеда, пока не плавится сильно снег на высоте.

Восхождение прошло удачно. Было холодно, до минус 25 и ветрено, но без облаков. Я не фотографировал раньше, наверно, из-за учительской занятости и потом, когда ездил во многие страны жалел, что упустил возможность поснимать красоты Кавказа с альпинистских высот. Эльбрус, как специально расположен под углом лучшего осмотра Главного Кавказского хребта: косая линия снежного панциря вулкана, снизу и в космос пересекает линию главных вершин. Накра, Донгузорун, двуглавая красавица Ушба, Шхельда... сверкали на морозном прозрачном воздухе: мало в мире более величественных картин, чем в высоких горах.

После восхождения Эдуард Ефимович предложил мне работать в СЮТУР (на Станции Юных Туристов). Но хотелось найти школу, несмотря на лимитную прописку. Ему я посетовал на школу, из которой уволился.

- Володя, есть директор, где ты сгодишься!

Про этот разговор в горах я забыл, да и приехал в Ленинград в середине сентября. После путешествия человек становится философом: он вдруг заметит, что все бегут по кругу. А уж после восхождения... Всеобщую суету альпинист после восхождения воспринимает снисходительно; он смотрит на все, оглянувшись назад с высоты. И не разоряется на эмоции... Памир и Тянь-Шань длились два месяца, а по впечатлениям – какой сгусток жизни! В таком блаженном состоянии я вернулся «в суету городов», т. е. в общежитие ПТУ. Искать школу решено было не спеша.

На другой день в общежитии меня позвали с утра "на вахту" к телефону.

- Владимир Александрович? Срочно придите в школу 495. Метро «Парк Победы», спросите... Мне о Вас говорил Эдуард Ефимович, я Вас уже приняла на работу.

Возразить я не успел. Побрился и поехал.

Новая школа.

Кабинет у директора нараспашку, забегают учителя, завучи, старшеклассники. В толчее и меня подтолкнули. Разговор сразу начался по существу:

- Начало года, нет времени на подробности: у Вас урок в пятом Е классе... Не удивляйтесь, пятых набралось 6 классов, других по 4-5 параллельных. Идите, кабинет

этажом ниже. Вас нагрузка 20 часов устроит? У нас в школе будет три учителя истории и все мужчины.

Эту кучу информации директор высыпала спокойным тоном.

- А документы мои посмотреть не хотите? 20 часов это полная ставка, у меня лимитная прописка, - спешил я предупредить.

- Что-нибудь придумаем. Идите в класс, урок уже начался; там веселятся, отсюда слышно.

- Попал в лавину! – Мыслил я еще альпинистскими категориями.

В опешившем состоянии зашёл на урок. Но удивляться некогда. Даже очень спокойный класс не даст преподавателю особо сосредотачиваться на своих чувствах, он требует присутствия всего учителя на уроке, иначе освистают, тем более новоявленного. Я провел подряд 4 урока в разных классах, экспромтом развивая тему: для чего надо изучать историю? День показался длинным и было ощущение, что давно уже работаю в этой школе. После уроков снова зашел к директору.

- Да, забыла сразу сказать, что у Вас классное руководство в седьмом Г. Ребята ждут, я их предупредила: идите знакомьтесь. Класс у Вас трудный: не столько детьми, сколько родителями...

В классе было девять Ань. Когда они называли имена, я естественно думал, что меня разыгрывают. Все смеялись, когда из-за стола поднималась очередная Аня... Позже я узнал, что Людмила Николаевна обстоятельно беседовала с каждым учителем, которого принимала на работу. Мне, видимо, было сделано исключение по рекомендации Эдуарда Ефимовича. Она предполагала, что преподавать предмет хорошо при желании всегда можно научиться, но надо чтобы учитель умел ещё что-то особенное, чем мог бы увлечь школьников.

Начинать работать с классом мне хотелось в своем амплуа, т. е. походом. Директор разрешила нам поход по Ленобласти в учебное время. И сразу же была оговорена большая поездка на Кавказ в осенние каникулы. Походы разрешили, как само-собой и это не удивило никого в школе, директор сама – инструктор туризма. Первый поход прошел неплохо, но и не без инцидентов. К Кавказу нужно было подготовиться обстоятельней и заранее. Родительское собрание тоже проводилось заранее. Дети поделились новостью с родителями, а родители всегда рады угодить хорошим порывам детей. К необычному собранию пришли даже некоторые папы. Я уже зачитывал список необходимого снаряжения и одежды, как вдруг одна мама сказала, что наш маршрут с названным мной перевалом опасен и непосилен классу. И так считает присутствующий среди нас опытный альпинист. Альпинист поднялся из-за стола и с некоторой неловкостью подтвердил версию мамы. Собрание, где присутствовали и ученики, притихло. Наступило неловкое молчание. Школьники глядели на меня и молча спрашивали: «Неужели похода не будет?»

У меня не хватило самообладания, я растерялся и стал что-то мямлить, как неподготовленный школьник у доски. Энтузиазм мой явно кому-то не нравился. В это позднее время вошла директор, чтобы передать мне какие-то бумаги, относящиеся к классу, которые нужно было заполнить и утром отправить в РОНО... Она уловила общую заминку и заинтересовалась проблемой. Уяснив суть, она спросила у альпиниста:

- Вы чей папа?

- Меня вот... пригласили...

- Покиньте класс и на собрания приходите только к своим детям. – Распорядилась директор.

Дверь закрылась. Людмила Николаевна сделала паузу, оглядела аудиторию и тихо спросила:

- Вы скольких уже классных руководителей съели?

Все застыли от вопроса. Но вскоре публика зашевелилась: одни родители стали возмущаться другими. Директор повелительным жестом без слов прервала возмущения и прибавила:

- У меня пятый А класс до сих пор без классного руководства, я могу его предложить Владимиру Александровичу. А вы можете подождать, когда придёт в школу другой учитель. Решите это сейчас. Базарность не разводите.

И вышла. Родительское собрание продолжилось примирительно. Нужно было дочитать список необходимых вещей для похода и ещё что-то говорить про грядущий учебный год.

После собрания я думал про себя: «Провинциал... это тебе не в Оренбурге, хотя уже второй год в Ленинграде. Хорошо, что ещё не поехал жить в Москву... А директор-то как мастерски отчитала мамашек за козни! Родители некоторые будут с камнем за пазухой; сколько таких? И как с их детьми учитель должен жить душа в душу?». Как раз перед этим я читал «Мартина Идена» – о судьбе провинциала в столице.

Книги, которые мы читаем.

Хорошие книги – это везучая часть моей жизни! Нужная книга иногда подворачиваются нам по наитию. Я рано начал работать в школе и, находясь перед школьной аудиторией рано понял, что – ничего не знаю. В 21 год составил себе обстоятельную систему образования из классической литературы и старался держаться ее, избегая моды. В советское время задавался хороший вектор в сторону классики, а учительская работа сама по себе не склоняет к второсортным книгам. К своей системе я относился, как к изобретению и не без тщеславия пополнял список необходимых книг к прочтению. В последствии, конечно, понял, что изобрел велосипед. Но хорошая программа – это великая удача! Сколько людей из читающих, и достаточно умных, не нашли своих книг и читают, что попало. «Универсальность» (я долго пользовался этим наивным словом) системы была проверена так: учась заочно на историческом факультете, можно было в конце концов догадаться пролистать 10-томную (там даже 13 томов) Всемирную историю и выписать оттуда всех великих людей с их лучшим книгами. Книги, которые я читал, беспощадно всю жизнь подчеркивал. Меня стыдили. А сейчас их выкидывают в мусорки. Много бы я дал сегодня, чтобы собрать эти почёрканные книги все вместе. И хвастался бы ими! Разве мне не повезло с их выбором? Сейчас я проповедую, что нужно в первую очередь прочесть 50 лучших книг, или хотя бы 20. Кто знает какие 100, 50 или 20 книг – самые лучшие? В одной из школ, где мне пришлось работать, в кабинете литературы висел портрет Льва Толстого и под ним изречение о том, что нужно стремиться прочесть самые лучшие книги всех времен и народов. Уверен, что эта скромная иллюстрация с цитатой хорошо повлияла на судьбу хотя бы нескольких учеников. Ведь можно прочесть и тысячу книг, уводящих в поверхностность или бредни.

Есть критерии, которые можно предложить для выбора лучших книг. Опять же, в советское время была издана Библиотека Всемирной литературы в 200 томах. Над её разработкой и изданием работали лучшие писатели не худшей эпохи. Индивидуально и коллективно они обосновывали значение каждого классика, и надо быть очень самонадеянным, чтобы не посчитаться с таким интеллектуальным коллективом в выборе мировой художественной литературы. К каждому тому «Всемирки» написана не поверхностная критика. Читать, например, «Божественную комедию» Данте трудно из-за языка характерного средневековью, хотя эта книга и гениальна и переведена, по

отзывам, замечательно. Но уже «Фауст» Гете читается легко всем, привыкшим читать не ерунду. Из 200 томов выбрать 20 тоже не просто: но это уже не в мусоре читать копать. Лев Толстой, например, написал 90 томов, но в 200-томник вошло наиболее значимое у него – всего 3 книги.

От себя я многим любителям поспорить советую прочесть «Былое и думы» А. И. Герцена, хотя бы для того, чтобы увидеть сегодняшнюю завранность всей российской истории. А каков язык Герцена! А его ум! Герцен велик и в частном сюжете, и в общем обозрении эпохи, и российской оценкой, и всемирной. Он znalся с невероятным числом великих умов Европы, которые к нему относились с благоговением. Для людей образованных, с кем приходится общаться, почитать «Былое и думы» я предлагаю с подвохом, как тест. Если прочтет эту книгу с интересом, значит поглубже человек; не прочтет – тогда, просто образованный. Классики, это не только умнейшие люди своей эпохи, хотя и этого уже достаточно, чтобы их читать в первую очередь. Хорошие книги помогают не утонуть в мелочах. Они – классический базис, который проблемы современности освещает умом наиболее выдающихся художников и мыслителей человечества. Можно любить и шумную компанию, и уединение с книгой: разве стоящая книга не мощнейшее общение? Классика еще, это спасение от безудержной каждодневной лжи, конъюнктурной идеологии, лезущей из всех щелей, с целью одурачивания людских масс. Нас зомбируют, а мы посредством книг, проверенных веками, возвращаем мозги в здоровое состояние: дух, как и тело лучше питать не гнильём. Разумеется, гуманитарное образование не может ограничиваться только художественной литературой. Нужны еще книги по истории и ясно изложенные по социологии.

Когда учителю читать? Когда читать всем людям вообще, если жизнь повсюду похожа на забег сумасшедших: кто кого обгонит в конкуренции? Учитель, читающий только по своему предмету – не учитель. Мне удавалось много читать в транспорте. С хорошей книжкой можно и проскочить свою станцию метро. Тогда ученики радуются, что учитель опоздал на урок. А уж как хорошо читать в поезде в долгой поездке! Если едем в поход, можно посадить около себя пару буйных воспитанников, тоже с книжкой – и воспитательный процесс идет и своё читаешь. Разъездной образ жизни тоже имеет свои удобства: самолёт летит два часа, а действительно, пока приедешь в аэропорт, да потом из другого порта уедешь – уходит весь день за перелетом. Дома всегда найдется суета, а в дороге – только книжка. Дома, конечно, приходилось читать и по ночам. Читающих людей немного, несмотря на самообольстительное мнение, что мы самая читающая страна. А если посмотреть, что люди читают, то лучше б они не читали вообще. В метро большая часть пассажиров тупо смотрит в одну точку, а некоторые читают... Донцову, например. В советское время читающих было много, разве что в сравнении с сегодняшним днем. А в принципе – мало, даже в «культурной» столице.

Учителя нашей школы.

Вернусь к школе. В первой главе я рассказывал подробно о работе с классом в Оренбурге. Теперь хочется ещё рассказать об учителях моей новой школы в Ленинграде. Школа была обыкновенной преподаванием, с обычными буднями, но довольно оригинальной учительским составом и стилем работы. В этом заслуга директора. Людмила Николаевна Грачева умела подбирать учителей. Половина педагогического коллектива были мужчины, многие из них видные бородачи. Заместитель по внеклассной работе – высок, молод, энергичен: на всё своеобразная шутка. В последствии он работал директором в соседней школе. Заместители по учебной части – женщины более серьёзные; они качают головой в адрес директора, которая отпускает

учителей и школьников в учебное время на различные соревнования. Английский язык ведет участник известной команды КВН из Политеха. Он пишет эпиграммы на коллег и читает их школьникам на совместных вечерах старшеклассников и педколлектива. Среди учительниц немало красавиц. В каждые каникулы несколько групп отправляются в походы: иногда даже на Тянь-Шань или Памиро-Алай! Восемь учителей школы – инструктора туризма, включая директора. У инструкторов конкуренция за надежных походников. В спортзале – скалодром; два бывших ученика Людмилы Николаевны ведут скалолазание. Володя Кауров в последствии станет Председателем федерации скалолазания России, а сын его – чемпионом мира. С Володей Букшпун – тоже не слабым тренером, мы ездили на Кавказ в поход и на чемпионат РСФСР школьников. В школе всегда готовились команды к различным соревнованиям. Представьте картину: проходят мимо школы люди и видят, как из окна четырехэтажного здания на веревках спускаются «дюльфером» скалолазы. Прохожие удивляются, а кто-то даже подозревает: не воры ли такие ловкие.

Математику в школе преподавали две женщины солидного возраста. Они подружки на всю жизнь со студенческой поры и люди необыкновенно ярких характеров: с того века, как говорила про себя Ирина Абрамовна. Преподавание предмета они вели пристрастно. В кабинете висит портрет Ломоносова и под ним изречение: «Математику уже затем учить надо, что она ум в порядок приводит». На уроке абсолютная тишина. Присутствуют все, записывают всё, листают учебники, слушают.

- Объясняю ещё раз всем, кто дремал! – Класс вздрагивает. Те, кто не напряженно слушали, чувствуют, что их сейчас обязательно спросят. Из всех сил они изображают внимание к учителю. Тот, кто получал «тройку» был счастлив и знал предмет минимум на «четверку». Это у Ирины Абрамовны. У Нины Петровны было тесно всем, кто не знал предмет на твердую четверку, т. е. почти всем. Она отпускала увесистые комплименты, которые не всегда были педагогическими, но исключительно меткими и класс валился на столы от смеха. Перед Ниной Петровной трепетали и родители, многие из которых у нее учились прежде. Имена этих учительниц были рекомендацией для поступления в математические ВУЗы Ленинграда. Абитуриент от них, если даже оплошал на экзаменах, получал оценку на бал выше. Ирину Абрамовну в моем классе любили больше, чем всех других учителей. И даже после окончания школы на встречу выпускников многие приходили только из-за неё.

А какой замечательный театр в школе! Он до сих пор здравствует! Мне кажется, далеко не все профессиональные театры Петербурга могут сравниться мастерством с кружком нашей учительницы литературы. Наталья Григорьевна находит актеров на уроках. Это большое дело, когда класс обнаруживает среди своих сверстников таланты. В школе, дома в маленькой квартирке у учительницы, в музее Ахматовой или Достоевского, на всевозможных подмостках Петербурга идут репетиции и выступления. Это своего рода театральная школа, состоящая из актеров нескольких поколений, в которую добавляются всегда новые школьники. Театралы – странные люди: все у них как-то варятся тихо, тайно. И тайно кружок вдруг уезжает в Старую Руссу к каким-то другим театрам. А потом спектакль для школы! Спектакль, разумеется, идет классический, допустим по Чехову, всё точно по сценарию, но вдруг зрители узнают кого-нибудь из зала из учителей или старшеклассников. Публика хохочет на серьезном спектакле. Из кружка вышли и профессиональные актеры, которые после школы учились в театральных ВУЗах. С некоторыми из учеников театрального кружка я дружу и общаюсь десятилетиями, потому что они были ещё и походниками. В конце похода обязательно проходит творческий капустник: и вот там театралы в ударе!

Историк Михаил Юрьевич вел рассказ на уроке – заслушаешься! К нему за опытом преподавания приходили учителя из других школ, он не редко делал доклады на учительских конференциях. Однажды я набрал из пяти «седьмых» классов сборную группу в поход на Красную Поляну Западного Кавказа. Школьники и Юрьевича уговорили пойти с нами. Группа, собранная полностью из новичков, да еще из подростков – всегда дикое сборище. Никто никого не слышит, все орут в лесу: вырвались на свободу. Притом ученики эти вовсе не были трудными в школе. Михаил Юрьевич удивляется: какими разными бывают дети на уроках и в лесу. Я тоже очередной раз удивляюсь. Преподаешь: перед тобой почти примерная девочка и учится хорошо, а в походе прорвалось наружу все, что есть. Перед Юрьевичем мне стыдно за орду, а он – интеллигентнейший человек, готов кого-нибудь уже за воротник схватить. Отзываю его в лес. Договариваемся собрать нашу палатку, рюкзаки и уйти из лагеря. Разумеется, Миша думает, чтобы попугать школьников, а у меня – это уже прием, когда подростки нарываються. Уходим километра на три от всех и в низине, в тишине укладываемся спать. После школьной заморенности в лесу мне спится сладко, а Миша до утра глаз не сомкнул. Утром, вернувшись к лагерю, мы спрашиваем народ, как долго ещё все веселились? Оказалось, не долго, не больше часа.

- Исай наорал на всех и сказал, чтоб ложились спать.

Исай – это Гриша Исаев, один из тех, кто тоже не мало бесился в начале. Состав этих школьников был не плохой и не имел той выносливости в дури, к которой привыкает трудновоспитуемое хулиганье. Дурь лучше было прихлопнуть разом, я это вывел из многолетнего опыта. Поход дальше выровнялся и его ещё сейчас вспоминают уже солидные родители, как своё светлое, школьное детство.

Михаил Юрьевич после похода на педсовете выдал резкое суждение:

- В школе только два педагога Грачева и Снатенков; остальные – преподаватели.

Это было сказано, конечно, сгоряча после неожиданных впечатлений от учеников, которые по-разному ведут себя в школе и вне её. Действительно, есть учителя, которые воспитанию придают большее значение, чем преподаванию. На деле многие наши учителя водили детей в походы, да и театр Натальи Григорьевны ещё как воспитывал. А мастера-преподаватели и на уроках добивались определенного воспитательного эффекта. Фраза, кинутая наспех Юрьевичем, выражала удивление: насколько дети преобразались в лесу. На маршруте мы с Мишей немало философствовали об этом.

Ещё два учителя нашей школы ушли в Администрацию города не на маленькие должности: достаточно долго там работали, но не удержались навсегда. И слава Богу! Очевидно, они не смогли мимикрировать вместе с другими чиновниками в сторону общей политики, которая изменялась во всё более ублюдочную. Это тоже их хорошо характеризует.

С Людмилой Николаевной однажды мы водили старшеклассников в лыжный поход по Хибинам на Кольском полуострове. Вторая категория сложности! Кто разбирается в категориях, тот оценит поход для школьников. Быт походный зимой особенно не простой. Хибины зимой к тому же лавиноопасны на склонах и снег там до трех метров глубиной. На ночь уходим с перевала в низину в лес. Утаптываем снег сначала на лыжах, затем ногами. Ставим шатер, а внутри устанавливается раскладная печь; труба выходит в дырку из шатра, обшитую несгорающим материалом. Костер вдали от шатра полыхает тоже на специальной сетке, чтоб горящие дрова в снег не провалились. Дрова пилятся из ствола сушины и рубятся. В туалет – только на лыжах. Ночью в шатре по очереди кто-то подкидывает дрова в печь, остальные спят крепко,

потому что весь день провели на ходу. Народ подбирается на такие маршруты испытанный; не испытанные дрогнут, да и проспят дежурство. Не все поймут такой отдых и спросят: зачем же так мучиться на морозе в 30 градусов? Всех, кто этого не понимает, мы ничем утешить не можем, или ответим словами Высоцкого: «Так лучше, чем от водки или от простуд...» Закончили маршрут мы в Кировске и договорились с Домом пионеров переночевать в помещении.

В большом зале на полу все расстелили коврики и спальники, еду сварили на кухне, а после ужина песни, байки, итоговый разговор о маршруте. Непривычное тепло помещения вскоре всех клонит ко сну. Выключаем свет и засыпаем богатырским сном... Среди глубокой ночи вдруг включается свет, затем крик, кто-то заметался по помещению, и сломя голову несколько человек побежали к выходу... Местная шпана как раз в ту ночь собралась пограбить Дом Пионеров. Например, можно унести музыкальную аппаратуру. Они выставили стекло, залезли – а тут мы! Мы не то, чтобы погнаться, а даже не проснулись толком, как воров всех сдуло. Когда проснулись, начали все хохотать... Людмилу Николаевну директор Дома Пионеров затем очень благодарил за то, что мы в нужную ночь любезно согласились в тепле переночевать. Если сказать серьезней: начиналась пора перестройки.

Чуть больше, чем через год я уволился из школы, потому что об учителей стали вытирать ноги. После меня уволились большинство мужчин-учителей; им нужно было кормить семьи. Людмила Николаевна осталась и работала до пенсии и после пенсии. В 1996 году я уже жил в Германии, кем только там не работая и, приехав в Петербург, пришел в школу повидаться с оставшимися коллегами. Невзирая на полный раздрай в стране, у школы были свои успехи. С Людмилой Николаевной мы разговорились в её кабинете и за рассказами о школе она вдруг расплакалась.

- Володя, ты не представляешь, каждая последняя сволочь с улицы может прийти в школу и унижить тебя. Я боюсь за своих учителей, – проговорила она с отчаянием.

Эта сильная женщина плакала. Последняя сволочь становилась первыми людьми: шел всю процесс первоначального накопления капитала. Дорогу бандитам наверху расчищала шпана и уголовщина снизу.

Учителя в школе, с кем пришлось общаться выглядели ещё потерянней. Им всем в награду в последствии добавят пенсионную реформу. Учитель труда нашей школы был мудрец, как Сократ. И высказывался, как Сократ.

- Каждому поколению своё испытание: нашим родителям пришлось война, а нам – перестройка.

Задним числом мы можем теперь заключить, что на этих учителях ещё долго держалось образование советского образца, лучшее образование в мире, пока не ввели вероломно ЕГЭ сверху.

В 80-летнем возрасте Людмила Николаевна ещё работала в школе, руководя кружками дополнительного образования. Её 80-летний юбилей организовали ей бывшие ученики. В зале кафе присутствовало человек 150. Среди них мастера спорта и многие уже весьма поседевшие ветераны туризма. В этот день всей семьей мы прилетели в Питер и впятером ввалились на торжество с гитарой. Дети мои - гитаристы: не то, что я тренькаю. Они спели Высоцкого, Визбора, Якушеву - любимые песни именинницы. Именинница, почти не видав моих детей, знала их по именам, кто в каком классе учится и чем они увлекаются. Она помнила тысячу школьников, вела все дела без записей в календаре и без суетливости. И подтрунивала над забывчивостью молодых коллег. В этот же год, т. е. в 80 лет в марте она ходила в составе какой-то группы туристов в поход на лыжах по Кольскому полуострову!

К этому времени я проехал уже много стран и у меня брали интервью журналисты. Одна импозантная дама из них однажды задала такой вопрос: какой возраст самый творческий? В любой возраст можно жить творчески! - и я стал рассказывать про нашего директора. Предложил даме взять интервью у Людмилы Николаевны. Дама пообещала, но не сподобилась: учителей телевидение не любит – обычные люди. Другое дело, путешественник: крокодилы, людоеды... Кстати, крокодилов видел, а про людоедов – вранье журналистов. Путешественник – это образ необычный, героический, сильная личность, как Шварценеггер в кино. Для СМИ он нужен, как образ, протаскивающий определенную идеологию. А что учитель... Теперь, когда меня приглашают на интервью, как путешественника, я предлагаю рассказать о том, как мне пришлось работать в школе – и ко мне пропадает всякий интерес у журналистов.

У учителя наверняка сохраняется долгое общение с некоторыми из школьников. У нас тоже есть компания сложившаяся "в школе Грачевой", и мы собираемся петь под гитару. Приходят бывшие школьники, их дети, сегодняшние школьники, которых я вожу в походы. Вечеринка, способная затянуться до утра, собирается на квартире в семье, в которой родители вместе с детьми поют лучше, чем солисты в больших концертных залах! Народу набирается до 40 человек: это те, что подпевают. На этих собраниях я злоупотребляю положением бывшего учителя и приглашаю в чужую квартиру кого угодно. Но спевки наши всегда проходят здорово! Там же кто-нибудь вдруг вспомнит курьезное минувшее событие, над которым смеются. После одной такой вечеринки Александр Костенко, у которого я был классным руководителем, вызвал нас, несколько человек развести по домам. В машине едет старшеклассник Сергей, сын тоже моей бывшей школьницы и рассказывает про какую-то недавнюю нашу походную авантюру.

- Это что! – возражает Александр и начинает рассказывать "настоящую авантюру, за которую бы Владимира Александровича сейчас судили." Историю эту, разумеется, я забыл. Но Саша, так живо её воспроизвел, что вспомнились все подробности. Эта история характерна сравнением: что допустимо было тогда в школе и что сейчас. Сейчас бы меня судили. А тогда мы путешествовали с размахом! Ехали летом из Петербурга на известный Грушинский фестиваль на берегу Волги, а затем после нескольких дней и ночей фестиваля дальше отправлялись на поезде в Бийск на Алтай. На фестивале кто-то из наших спросил, почему с нами нет Петровича? Петрович не редко выручал меня в качестве второго инструктора. И действительно, почему его нет? Группа собирается из Куйбышева на Алтай, а двоих восьмиклассников Сашу Костенко и Артема Егорова я отправляю в отдельное путешествие за Петровичем в Алма-Ату, которого им нужно доставить к нам на алтайский маршрут. Айфонов и интернета не было. Петровича ребята нашли по расспросам не в Алма-Ате, а в горах и затем они вместе приехали к нам в Горно-Алтайск. Петрович-то как обрадовался, что мы к нему специальное посольство направили! Я потому и забыл эту деталь похода, что дело было обычное. Но сейчас бы судили: детей одних отпустил.

Александр и Артем стали впоследствии руководителями небольших фирм. И представьте – они при этом хорошие и честные люди для своих коллег и близких. На них еще в школе можно было положиться в деле; тогда как на словах горазды все. Их выросшая самостоятельность, оказалась к тому же на уровне очеловеченной жизни, а не на уровне животной жадности, повсюду распространенной в бизнесе. Теоретически воспитание самостоятельности подразумевается школой; того же хотят и родители. Многим этот процесс почему-то представляется так: взрослые рассказывают, какими

надо быть, и дети такими становятся. Слова в виде педагогической благодати мягко ложатся на душу ребенка. В действительности самостоятельность приобретается в деле, пусть даже это не известно чиновникам, которые требуют от учителя держать около себя учеников, как клуша цыплят. Можно и у тепличного растения обнаружить некоторую жизнеспособность в парнике, но она не та, что у цветов в диком поле. А разве жизнь – не дикое поле?

Уроки в школе.

Классное руководство – беспокойное дело для учителей, но главной работой у них все же являются ежедневные уроки. Учителю и платят только за преподавание, а за классное руководство и все остальное приплата символическая. Идет урок истории. Я рассказываю в 5-ом классе о том, как археолог Шлиман нашел Троя. История Древнего мира, это седой Восток, Греция, Рим – вся она наполнена поэзией; в ней ещё только детство человечества. Генрих Шлиман – не профессиональный археолог, по крайней мере не дипломированный и не признанный в ученом мире... У него необычная биография. Он выбрался из бедности, но став бизнесменом не сосредоточился только на деньгах. Вся жизнь его связана с плаваниями по морям и путешествиями по континентам несмотря на то, что в юности, будучи юнгой на шхуне, он чуть не утонул во время кораблекрушения. В любую свободную минуту он изучает иностранные языки, читает книги о древности и особенно об античности. Свои дневники ведет на разных языках, также и деловые переговоры в разных странах. Ему приписывают знание больше 20 языков. Знаток классической древности Шлиман верит, что Троя существовала в действительности. На территории западной Турции, где живут так же и греки, он организовал раскопки холма, подозревая под ним город. Над ним смеялись, но Шлиман и его работники копают холм, который не обещает никаких находок. На раскопки приходят местные жители; вечерами они вместе с ученым открывают толстую книгу и читают на греческом языке «Илиаду». Трагические сюжеты они переживают вместе и верят, что Троя именно здесь, где они копают. У ученого наворачиваются слезы и вместе с ним плачут, и местные жители... Раскопки длились несколько лет, и Троя была найдена. После открытия Трои написаны тома исследований: оказывается Гомер и его поэтические сказания – не сплошная сказка. Сенсация побудила ученых искать по древним книгам другие погибшие города и находки в большинстве случаев оправдались...

Я говорю пятиклассникам, которые внимательно слушают рассказ, что все рассказанное можно найти в двух книжках: «Герои Эллады» написанные по мифам Куна и «Боги, гробницы, ученые» у Керама, талантливого журналиста и писателя. Книги есть в библиотеке, которая в двух шагах от школы, и кто их прочтет, навсегда запомнит Грецию. Дети мне верят, но из всего класса прочтут эти дополнительные книги 3-4 человека. Почему? Перенасыщена вся школьная программа, да и среди детей – немало ленивых. Можно попробовать подойти по-другому: по этим двум книжкам сделать зачет, влияющий на четвертную оценку и многих побудить прочесть Керама и мифы. По каждому уроку есть прекрасная дополнительная литература. Но уверяю, как учитель: зачет будет, а Древняя Греция в душу не западет. Да и без моих заверений, по своим школьным летам все знают цену принудительным зачетам. Кроме того, если я заставлю класс много времени уделять моему предмету, то даже если лень покинет всех детей, они не смогут пропорционально уделить столько же времени большинству других предметов. Так, собственно, и соревнуются в школе предметники, а дети не только по лени, но и физически не способны 5-7 часов (а с домашними уроками 7-10 часов)

впихивать в себя каждый день раздутую программу. Разве жизнь может состоять только из одной учебы?

Существует живучий предрассудок, особенно у образованных людей, что научный прогресс диктует увеличение школьных знаний. Даже если развитие науки чего-то и требует, то по факту программы все равно почти всеми не усваиваются. Неужели? – Спросит кто-нибудь из блаженных взрослых. Так это легко проверить на себе! Нужно семейной чете однажды прогуляться в библиотеку и пролистать там все учебники с 5 по 11 классы, чтобы усомниться в своей образованности. Очень многие споткнутся на пятом классе. Отговорка, что «забыл» будет интересна нашим детям. Но мы то помним анекдот: «Не знал, да еще и забыл». Какой же смысл во всей учебе? – Боимся мы задать друг другу вслух простой вопрос. Здесь я не ратую за примитивные учебники или программы. Об этом заботится без нас Министерство образования. Я лишь пытаюсь заострить вопрос: почему велика безрезультатность учебы в школе, в которой дети проводят полный день?

Прежде, чем сказать почему школа даёт плохие знания, посмотрим на школьника на уроке. Или вспомним себя в детстве, если нам еще здравый рассудок не отказывает. Когда учитель идёт преподавать в класс, то перед ним хорошо или плохо отвечающие дети, а также мешающие и не мешающие вести урок. Успеваемость и поведение – главные внешние критерии школы. Но эти критерии для взрослых: для учителей, многих родителей, а также для всех рангов проверяющих. А как себя чувствует на уроке школьник? Возьмём троечника, представляющего большинство учеников. Почти каждый школьник хочет учиться хорошо и периодически он к этому порывается. Но не получается... Здесь надо остановить учебу, остановить для каждого ученика, у которого не получается. Я не имею в виду танцевать около каждого, кто капризничает. Надо понять, почему не получается, а потом что-то сделать, чтобы учеба наладилась. Но общество устроено консервативно: взрослые куда-то бегут, а за ними бегут все дети. Да и кто разрешит остановиться? Ряд неудач умеряют старания ученика, и он привыкает скользить по предмету, так чтобы было не очень хлопотно. Тройку имеет – и ладно; знания тоже соответствующие: поверхностные. Эта роль чаще всего уготована школьнику на каждый день и на долгие годы.

Если у подростка нет уверенности, что он сможет учиться, он ищет другое поле деятельности, чтобы найти себя в чем-то ином: неуверенность точит человека. Хорошо, если он найдет себя в полезном увлечении или деле вне школы. А если не найдет, то станет самоутверждаться в дурном проявлении или шутовстве. Наиболее слабые натуры могут впасть в депрессии, что повально сейчас в школах. Троечники, а тем более двоечники находят выход как могут: отбивают положенное присутствие на уроках и урывками хватаются за то, что кажется интересным. Можно подуреть на уроке у менее строгого учителя, можно сбежать с урока или нарваться, чтобы из класса выгнали, а можно сидеть истуканом на первой парте перед учителем и ничего не слышать по предмету: жить своими переживаниями или без всяких переживаний. А кого от школы совсем тошнит, можно в трудные записаться: пропускать подряд уроки, хамить беспощадно учителям, вообще всем хамить и дома родителям тоже. И вести себя вызывающе. В крайнем случае есть добрые службы, куда можно обратиться. Например, ювеналы или телефоны доверия, где все учатся «стучать» друг на друга с подачи государства: дети на своих родителей, родители на учителей. Разумеется, все это происходит из добрых побуждений: живет семья в нищете – никому дела нет, а настучать – пожалуйста, есть служба. Есть вообще много служб, латающих социальные дыры вместо того, чтобы дыры не создавать. Школьник суть взрослой жизни не всегда

может понять. Он чувствует фальшь в ней. Фальшивая жизнь всего общества сбивает его с толку, и он отгораживается от многих взрослых, часто и от родителей, живя своим течением. Течение может быть каким угодно, но содержит в себе протест. Протесты не всегда бывают активными. Закрытость подростка – первый протест, пусть даже пассивный. Родители думают, что они знают, чем живут их дети, а дети знают – что не знают. Всем удобно до некоторых пор. Поэтому подростки будут категорически против любого совместного времяпровождения с родителями; особенно их трудно представить вместе в общеклассном походе. Если заглянуть в душу слабоуспевающего школьника, он чувствует себя на уроке скверно: отбывающим повинность, искривляющим позвоночник. Противовесом этому могут быть проделки. Еще одна радость – перемена, где можно скуку развеять.

Учителя, ученики, программы.

Каковы главные причины плохой успеваемости большинства школьников? Среди различных мнений довлеют три нарекания:

1. Плохое преподавание в школе или плохие учителя – на что часто жалуются родители.
2. Ленивые ученики. Не ленивые же успевают! – Так нередко думают учителя.
3. Плохие программы, и они перегружены. – Об этом говорят все, кому не лень.

Попробуем посмотреть на причины поглубже: не с позиций оракулов, вещающих в СМИ, а глазами учителей и учеников, т. е. участников учебного процесса, и заодно на программы.

Об учителях. Да, преподавание часто бывает слабым. Но влезем в шкуру учителя. Везде плохо работают, где плохо платят. Также хорошее преподавание предполагает посильную нагрузку в часах: к каждому уроку нужно с чувством, с толком подготовиться. А у учителя семья – и он берет часов побольше; да классное руководство, хочет он того или не хочет. Еще есть необходимые рабочие собрания и планерки в учительской, а к ним и назойливые многочисленные совещания для промывки мозгов. Ко всему этому и многому другому сверху спускается бюрократия – бумажное кровопийство, разумеется, не оплачиваемое, хоть сколько бы времени оно не занимало. Как во всяком кровопийстве в нем есть смысл только для одной стороны, а для учителей, может быть только удивление: насколько изощрено бумаготворчество чиновников.

Каждый предмет в школе имеет еще свои собственные недоразумения в преподавании. История – больше всех других. Беда и трагедия всех учителей истории – завранность и заидеологизированность предмета. Прошое нужно знать, чтобы понимать настоящее и даже заглянуть в будущее. Официальная же идеология проповедует прелести жизни правящего класса, как удобство для всех и в этом ясном свете трактует историческую науку. Наука пишет учебники для школьников в обертке идеологии. Древние события показаны не такими, какими они были, а выбраны с фактами и эпизодами, чтобы оправдывать сегодняшнюю эксплуатацию, войны, социальное расслоение, национальную вражду, мистику... и всё, чем славен наш век. В учебниках вместо истории народов школьник находит историю царей. Войны между народами, организованные царями, подаются с романтической или патриотической окраской. Закономерности революций и революционеры – самые передовые люди своих эпох представлены, как бунты черни во главе со злодеями, а цари и палачи народов, как благодетели. «Великомученик и святой» Николай II велел расстрелять народ, идущий к нему на поклон с иконами – как это преподать без вранья, чтобы сделать из царя еще и святого? История – главное поле идеологии. Врунов нужно много, чтобы неправдоподобное звучало убедительно. И они стараются за большие деньги без

зазрения совести. Стараются кто во что горазд, поэтому их версии в СМИ почти всегда звучат в разноречивой. И не удивительно: какая каша от всего этого в головах и учителей, и учеников; равно как и у всего населения. И вот учитель дает урок: сам ничего не понимает, а дети – тем более. Учитель, конечно, может иметь свое мировоззрение, но все же обязан не забываться и врать согласно официальным легендам. За всем этим приглядывают свыше. Официальные легенды должны звать к патриотизму; не к тому, который в братстве народов, а к верноподданническому. Учитель истории обязан давать уроки интересно, аргументировано и в свете официальной идеологии, т. е. цинично, глядя в глаза детям. В советской время историю тоже привирали изрядно, в основном во славу КПСС, но знали хоть какую-то границу. Враньё, собственно, и уничтожило советский строй. Сегодня враньё безмерное, настолько безмерное, насколько безмерны награбленные богатства капиталистов. А как их оправдывать не враньём? Враньё – обычный инструмент всякой гнилой политики.

Кроме Всемирной истории важно преподавать хорошо и национальную. История России была написана при самых удачных обстоятельствах, если смотреть, каких историков она имеет. Обстоятельства эти сравнимы с древнегреческими. Гомер гениально воспользовался мифологией и создал эпическую литературу Героического периода. Геродот красочно и талантливо написал обо всей классической эпохе. Фукидид досконально по документальным источникам убедил всех в верности изображения Пелопоннесской войны. Тоже в российской истории. Сначала явился Карамзин Н. М., который перебрал обстоятельно все летописи: «Первый наш историк и последний летописец», – скажет о нем Пушкин. История России рассказана им удивительно живым языком, правдиво и критично, одновременно и поэтично. Соловьев С. М. создал капитальный труд в 29 томах – дело всей его жизни, и каждый факт подтвердил источниками с указанием на архивы. Язык Соловьева тоже вызывает трепет у читателя. А уж как написана эпоха Петра Великого! Ключевский В. О. проследил главнейшие явления российской истории: ведь история это не только факты, а еще их осмысление. Например, причина: почему возникла, к чему привела и есть ли похожие явления в истории других стран? Многотомники Соловьева и Ключевского, конечно, написаны больше для историков-специалистов. Несмотря на столь завидную классическую базу, учитель должен подчиниться скудным версиям официальной идеологии, чтобы протаскивать отечественной историей национализм, угодный верхушке для управления по принципу: разделяй и властвуй. Преподавание отечественной истории в идеологическом ключе – тоже немалая нагрузка на учительскую совесть.

Натиск идеологии испытывают не только учителя истории и литературы. Преподаватели таких, казалось бы, нейтральных предметов, как математика или химия, тоже обязаны внести лепту в пользу всего святого в государстве. Политические выборы с обязанностью голосовать за одних и тех же царей и царьков, праздник 4 ноября (единение олигархов с шахтерами из забоя) вместо 7 ноября, День Победы, чтобы вспомнить ветеранов войны, которые воевали совсем не за такой строй, и которых государство сделало нищими, День Конституции, где законы для бедных составлены богатыми... – все навязывается учителям: школа же муниципальное учреждение. Почему бы учителей не использовать, как проводников идеологии, к тому же бесплатно. Учитель же «должен быть энтузиастом».

Кроме идейных, на учителей сваливаются проблемы и методического порядка. Например, очень сухие учебники. В 5-7 классах рассказы еще должны быть образными, одушевленными, состоящими из ярких событий, как в книге «Робинзон Крузо»; а там параграфы в казенном изложении с графиками, формулами, заготовленными

обобщениями. Все великие писатели говорили, что надо, чтобы дети сначала всё почувствовали, а потом уже понимали. Учебники же напрочь не учитывают возрастной психологии, а профессора науки в один голос твердят: надо мышление развивать. Профессорские предрассудки тоже исходят из духа времени. Это, кроме того, что в науке также, как везде есть своя иерархия, чтоб не сказать мафия, которой достается написание учебников и пособий. Новые учебники хуже старых – в этом знамение нашего времени: образование народа умышленно оскудевает. С 60х годов не переиздавались «Книги для чтения по истории», которые содержательней всех поверхностных сегодняшних «энциклопедий». Нет хрестоматий с наиболее ярким выбранным материалом для школьников по возрасту. Ни учителя в школе, ни родители дома не могут посоветовать школьнику хорошую и не поверхностную книгу, которую следовало бы прочесть, чтобы знать Всемирную историю в основах, а не в сплетнях. Собственно, есть ли вообще такая книга по Всемирной истории: популярная, но не банальная?

Книг хороших не много. Но в качестве примера можно назвать одну исключительную, про которую знают даже не все историки, сбитые общим течением лжи. Ее написал индеец, находясь много лет в тюрьме в виде писем к дочери-подростку. Он имел возможность получать от друзей книги и официальные газеты. Широко образованный и гонимый политик не отчаивался в тюрьме и работал, перечитывая многие исторические труды. Он создал шедевр. Книга Джавахарлала Неру «Взгляд на всемирную историю» была в последствии признана большинством известных историков, как одна из лучших и переведена на десятки языков мира. Сегодня ее пытаются не замечать и не переиздают в просвещенной Европе, как и в России. На русском языке ее можно нередко увидеть затерянной в «Букинисте» в виде трех отдельных томов. Надо сразу сказать, она будет неугодной сегодня официальным господам, потому что антибуржуазна и против напирającego на весь мир империализма, также она антирелигиозна, не дышит догмами и сильно портит репутацию сегодняшних политиков рассказами о вчерашних. Книга не европоцентрична, она рассказывает обо всем мире и всех великих культурах по их значению, чем не удобна националистам. История – это не только события, но и их осмысление, и Неру не последний из мыслителей. Его серьёзные обобщения опираются на факты, а не подтасованы. Этот труд дает большой горизонт представлений об обществе, является выдающейся книгой среди исторических и сразу широко открывает двери в самую запутанную сегодня науку, которую держат в тайне официальные жрецы. Богатый и вместе с тем простой понятный язык, делает книгу посильной для юношества и всех, у кого есть живой интерес к странам и судьбам народов. Этим без воды написанным трехтомником можно смело заменить все учебники с 5 по 11 классы, и пользы школьникам будет больше. Книга не является идеальной и последним словом истины, к тому же у нее слабое начало из-за утеранных некоторых глав. Но она лучше всех сегодняшних предвзятых учебников.

Историю, мировую литературу, социологию полезно знать всем, чтобы найти свою позицию в жизни. История – одна из главнейших наук познания общества, а историзм – один из главнейших методов постижения мира. Скажем, чтобы знать биологию в основах (не проходить, а знать) нужно познакомиться кратко на первых двух-трех уроках об истории развития этой науки и какие направления в ней боролись. Тогда значение биологии откроется учащимся даже при сокращенном курсе намного лучше. Отдельные темы и разделы, как вид сверху, станут виднее и понятней. Историзм для ученого имеет особенно принципиальное значение. Ученый, при всех титулах не перепрыгнет в себе начетчика, если не овладеет методом историзма.

Как я вел уроки истории в школе? Чаще плохо. Кроме всех вышеназванных учительских проблем, меня давила «общага». Приходилось работать днем в школе, а по ночам ходить по этажам общежития и унимать молодежь, нередко порывающуюся к пьянкам и дракам. Это были годы перестройки. Трудно держать на уроках вдохновение в течение рабочего дня не выпавшись, да и понервничав изрядно. Выручали, конечно, молодость и здоровье, дарованное деревенским детством, но оставалось мало времени на подготовку к урокам. В пятых – шестых классах я старался давать уроки хорошо. В седьмых – восьмых уже больше приглядывался к подросткам, как к выросшим людям, и не мог не знать, что образованный циник хуже необразованного. В девярых – десятых можно было попросить кого-нибудь в классе принести из учительской гитару, чтобы завуч не видела, и мы между песнями говорили за жизнь. Старшеклассники уже вполне ощущали на себе завранность Новейшей истории и были благодарны за «уроки жизни».

Скепсис к завранной истории не вдохновлял многих учителей. На фоне перестройки раскачивались в разные стороны главные идеи и туда же разворачивали преподавание истории. Ленина еще не облевывали, но тему сталинизма подняли. Критика сталинизма открывала многие дыры советской истории, но никто не догадывался, что партийная верхушка и нувориши ставят вопрос еще только для себя: социализм или капитализм? Потом взялись за Ленина. Мне было 35 лет и к ним сложившиеся убеждения. Если к 25 годам у человека не складывается убеждений, он уже никогда не будет их в себе подозревать. Он будет думать, что его шаткие мнения и есть убеждения. Мне в жизни повезло с ориентирами. Я вырос в деревне и в сельском труде. Учительская работа тоже не отрывала от жизни, формировала мировоззрение и заставляла читать нужные книги. О сущности капитализма написано у Бальзака, Драйзера, Джека Лондона, Голсуорси...тоже у Белинского, Герцена, Чернышевского, Чехова и Толстого... у многих и многих лучших писателей (от капитализма, зарождающегося до махрового империализма). Надо прочесть лишь две книги, чтобы понять, для кого устроен мир: «Финансист» Теодора Драйзера и «Остров Сахалин» Антона Чехова. Не только для преподавания или экзаменов в институте я читал Маркса и Ленина. Все противоречия жизни подтверждали ёмкое учение марксизма. Как только стали гадить про Ленина, я понял, куда поворачивают всех людей и всю жизнь. Самым трудным для меня тогда было одиночество: все молились на Запад, на капитализм. Почему-то на капитализм в Азии, Африке и Латинской Америке – большей части мира, никто не обращал внимания. Уволившись из школы, нужно было искать другую цель, чтобы не потеряться в другой жизни. Уход навсегда из школы – был большой внутренней борьбой не только для меня. По многим моим коллегам каток жизни прошелся беспощадней. С полной бесшабашностью я поставил себе цель: сделать кругосветное путешествие, чтобы увидеть, какой в действительности мир. Это было решено в пору наихудших обстоятельств: не имея ни копейки денег, живя в общежитии, уволившись с работы и не зная про заграничную жизнь ровно ничего. Наверное, я был отчаянный оптимист.

О плохих учителях сказано достаточно, скажем о ленивых учениках. Ленивых школьников много, и это уже вопрос воспитания. Преподавание тоже тому потворствует. На уроках, про которые взрослые часто думают, что дети там черпают знания, лень также может продолжать культивироваться. Ведь можно безрезультатно просиживать в классе, в том числе и на уроках у хороших (сильных) учителей. Знания часто не лезут в голову, потому что ученик отстал от материала. А новая ступенька не дается без предыдущей базы. Но и это не главная причина непонимания предмета. Над школой висит академическое проклятие: знания оторваны от жизни; они преподносятся без

практики. Школьника фаршируют мудреными сведениями, которые он не проверяет на собственном опыте. Разве, оторванные от жизни знания не кажутся здравому уму бессмысленными? Ученики часто не понимают, для чего им удобряют головы, и учатся только для оценки. Кому удастся успевать только для оценок, тот становится за 11 лет тупицей, мешком, набитым информационным мусором. Таких учеников, как правило, мало уважают одноклассники. Умного отличника, нужно сказать, почти всегда уважают в классе, если под умом не подразумевать складное словоблудие.

Что такое учебный труд? Много ли школьников ищут настоящих знаний, а не зубрят предмет ради оценок. Да и зубрит, как правило, меньшая часть класса; большая – отлынивает. Учеба, вернее оценки за учебу, продвигают в основном честолюбие, но они не показатель, насколько школьник умеет применять знания в жизни. А для чего еще нужны знания?

В чем оторванность школьных знаний от жизни? Знания по естественным дисциплинам слишком академические, направлены на узкую специализацию, раздутые и без примеров применения на практике; по гуманитарным – заидеологизированы и часто подаются не по возрасту. Иначе сказать, должны быть другие программы. Но хуже всего то, что дети не проверяют знания на собственном опыте. Те знания, которые не применимы, труднее всего удерживаются в памяти; они для школьника носят характер механической зубрежки, что, как известно, являлось методом схоластики в средневековье. Почему даже великие люди о школе чаще всего отзывались с презрением? Они благодарили судьбу за случайность, натолкнувшую их на толковых людей, удачные обстоятельства, полезный труд, и на хорошие книги. «Я любил чтение сколько же, сколько не любил учиться», – писал Герцен. Стандартную модель школы ненавидел Эйнштейн: «Образование – это то, что остается после того, когда забываешь все, чему учили в школе». У него же есть еще одно веское умозаключение: «Целью школы всегда должно быть воспитание гармоничной личности, а не специалиста». И мы все, не великие люди, вполне понимаем, как много знаний из заученных нам совсем не пригодились, и как не хватало в жизни не преподаваемых истин и ориентиров.

Знания школы – это лишь одна сторона, другая – сами школьники, каждый из которых со своим восприятием учебного материала и всей жизни. Жизненный опыт школьника и вживаемые в головы знания, без учета этого опыта – одно из главных противоречий учебного процесса в школе. Что разумеет под жизненным опытом школьника? Возьму специально простой пример из того, что часто вижу. Подросток собирается первый раз в поход. Я обычно спрашиваю у мамы, насколько он самостоятелен. Если девочек хоть как-то включают в домашнее хозяйство, то мальчика, как правило, растят для счастья. В некоторых случаях, глядя на родителей полезно спросить: не эгоистик ли у них сын? То, что скажут родители, – это может быть их иллюзией, но есть люди, которые сразу настораживают. Они всю жизнь дитя баловали, растили увальня и хотят от него дома немного отдохнуть, чтоб он в другом месте всех собой порадовал. Мама уговаривает сына пойти в поход: это ж романтика!

- Никакой романтики. – Опускаю я их на землю. – Нужно носить каждый день рюкзак, потом, как бы не устали, надо ставить палатки, дров принести. Потом один день каждому дежурить и, если что не так – голодная группа сживет со света. Мама понимает, что я не так заботлив, как она и не настаивает уже. Сын тоже чувствует во мне другую требовательность, не мамину, но он к ней не привык. Это жизненный опыт баловня.

Приходит еще мама. Она уверяет, что ее 11-летний сын спортивный, общительный, самостоятельный; сам готовит спагетти, яичницу, бутерброды... и к

походам готов. В походе этот мальчик дежурил без инициативы, и не сказать, чтоб очень старался.

- Ни рыба, ни мясо, - короткой фразой сполна охарактеризовала его одна из старшекласниц. С ним, конечно, дежурит второй мальчик постарше и не новичок, и дежурство за счет старшего прошло неплохо. То, что 11-летка что-то не умел или не знал – совсем не беда, но то, что он не старался: это его устойчивая черта, можно сказать, его характеристика, как человека. Сам он этого не знает, но в группе многие это почувствовали, и больше всех тот, кто с ним дежурил. Дома этот мальчик такой же. Он приготовит спагетти или яичницу, поест, но не перемоеет посуду и не уберет после себя. Мама придёт после работы, поворчит и приберется. Она же его любит. И он ее любит, но себя больше. Он малоинициативен, потому что мама слишком много за него делает, и он же полуэгоистик дома и в походе: это его жизненный опыт.

Жизненный опыт второго дежурного, который все сделал – другой, и не потому, что он несколько старше. Он в принципе ответственной, трудолюбивей и думает о других. Помощник семье и бездельник (бездельник, как правило, еще и болтун), это два разных человека. У этих дежурных и восприятие мира разное. Полуэгоистик больше чувствует собственную персону, человек ответственный, конечно, чувствует и себя, но и интересуется поглубже другими уже потому, что он о них больше заботится. Их восприятия не только одноклассников, природы или всех событий похода, но и всего мира отличаются. Ответственный человек всегда глубже. Ответственность и восприятие мира зависят от всего предыдущего жизненного опыта. Восприятие знаний на уроках также. Взрослые часто скептически относятся к жизненному опыту юноши, и для этого есть основания, но такие качества человека, как ответственность или интерес к окружающему миру закладываются с детства. И мы их в детях и во взрослых каждый день воочию наблюдаем. На жизненном опыте малого или старого всегда лежит печать воспитания. Не связывать преподавание с воспитанием можно только от большого неразумения.

Как школа дает знания, оторванные от жизни, так и восприятие детей бывает в праздных фантазиях. И то, и другое влияет на процесс обучения. Образец небесталанного молодого человека, утопающего в пустых фантазиях обрисовал классик И. А. Гончаров в романе «Обломов». На роман есть выдающаяся критика у Н. А. Добролюбова: «Что такое обломовщина?». Критик последовательно, по полочкам разбирает, как сложился такой характер, в принципе изуродованный. Когда-то мне казалось, что образ барчука Ильи Ильича натянутый. Потом таких буржуйчиков стала поставлять новая жизнь из пресыщенных благами семей, в которых дети еще и утопают в интернете. Стало понятно: жизнь превосходит любые искусства. Появились дети, существующие вообще вне реальности.

Сколько бы на школу не сетовать, но и школьник тоже должен быть трудолюбивый и не оторванным от жизни. Откуда взять школьнику опыт жизни, чтобы не жить пустыми фантазиями, не быть ленивым, оторванным от жизни и потянуться к действительным знаниям? Детям нужно предоставить возможность постоянно окунаться в жизнь. «Самое воспитание, если оно желает счастье человеку, должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни», — это одна из самых убедительных формул, выведенная К. Д. Ушинским. Школьник плохо учится. А пусть он к приходу родителей уберет квартиру, выучит уроки, приготовит семье ужин, приберет кухню после ужина и порадует, что помог родителям. Пусть заберет из садика сестренку и приглядит за ней дома. Если всего этого добиться и этот образ жизни сделать привычным в семье, то у школьника и к учебе поменяется отношение. Но общество

культивирует самые дикие предрассудки: помогающий родителям подросток стесняется об этом говорить среди сверстников, да и мамашка придет с работы и всех дома обслужит: все должно быть, как у людей. Подросток будет продолжать мается от безделья не только дома и на улице, но и на уроках перед учителем. Детям государство еще делает медвежью услугу: они могут жаловаться ювеналам на требовательность своих родителей.

Знаний жизни сильно прибавится, если подросток или старшеклассник найдет постоянную подработку. Это и помощь бюджету семьи, и знания цены деньгам, и опыт производственных отношений..., и понимание, для чего учиться. Среди моих походников не так уж редко, кто подрабатывал, чтобы ездить в путешествия. Они и учились осознанней, и меньше мучились после школы выбором профессии. Я знал немало слабоуспевающих старшеклассников, которые оставили школу, пошли поработали повзрослому на производстве и потом взяли за учебу самостоятельно. Для них необходимые знания и практика жизни больше связались в голове. Советское образование теперь многие прославляют. Да, дидактика тех лет, можно сказать, была на высоте, и из школы выходили ученики пограмотней. Но школа также страдала оторванностью знаний от жизни.

История знает замечательные образцы соединения школы с производительным трудом (не путать с эксплуатацией детского труда), например, община Роберта Оуэна или колония Антона Макаренко. Но это беспрецедентные случаи, совершенные силой подвига выдающихся людей. К этим людям человечество еще обратится, если, конечно, само себя не учтожит.

О программах. Все знают, что программы плохие. Неужели их нельзя изменить? Можно. Но только распоряжением сверху! Или мы видим кругом поддержку снизу? Представьте, повсеместные форумы учителей страны и они разрабатывают программы. Неужели не разработают, чтобы материал был не примитивным и связанным с жизнью? И вообразите, что наверху все это утверждается, как воля народная. Да, это невозможно, скажут скептики. И мы не будем на этот счет фантазировать: инициатива снизу чревата для тех, кто наверху. Но неужели же наверху глупые люди, раз уж они взяли страной управлять? Не глупые люди наверху, но у них свои интересы. Есть интересы наемных работников и интересы правящего класса, который выбирает свою верхушку для управления обществом, в том числе и утвердителей программ. И вот этого, что верхушка общества себе на уме не многие понимают. Как же это так? Мы их выбирали! А так: во-первых, выбирали из тех, кого выдвинул правящий класс, а во-вторых, правящий класс определяет социальный заказ на образование, как и на все остальное. Что такое социальный заказ? А, например, были престижны профессии инженера или врача (про них даже фильмы когда-то снимали), и вдруг неожиданно пошла мода на менеджеров, юристов, психологов. И удивительно, почти все сразу захотели ими быть. Тут не скрыть, старшее поколение этой моды не поняло, пока жизнь не разъяснила. Оказалось, что, когда страна была индустриальной, нужны были инженеры, а стала придатком богатых стран без собственной индустрии и одновременно рынком сбыта для них – понадобились соответствующие новому времени профессии. Менеджер? Так это ж продавец, чтоб кругом торговать и потребительство сделать смыслом жизни. Юристы на каждом шагу? Они нужны, чтоб делить собственность между родственниками и всеми собственниками: частная собственность – священна, в том числе на недра, банки и все предприятия. А психологи? Без них никак при сумасшедшей жизни: бег галопом за заработками, расслоение в диапазоне от миллиардеров до бомжей, дети в школе сумасшедшие – на одних антидепрессантах не устоять на ногах, нужны утешители. И вот

люди наверху выполняют социальный заказ для новой жизни, которая вся в их пользу. А под заказ нужна и соответствующая программа образования в школах. «Не усвоят программу!» - мантра, которую все повторяют, не вникая в смысл.

Каков социальный заказ общества? Чем скарее общество, иначе сказать, чем меньше социальной справедливости, тем больше стремление правящего слоя сделать из подрастающего поколения более ограниченных и послушных мещан – социальную опору строя. Это преследовали и советские партократы посредством партии, и тем более правящий класс капиталистов. Социальная несправедливость советской жизни, по сравнению с сегодняшней капиталистической увеличилась на пропасть. Настолько же изменилось и образование в сторону оглупления молодого поколения. Чем жаднее верхушка общества, тем скуднее задачи образования для народа и все более нелепее реформы школы: ЕГЭ – высший образец творчества сверху. Школа – полное отражение жизни общества. Невозможно понимать смысла программ, как и вообще задач воспитания и образования, не понимая противоречий между интересами наёмных работников и капиталистов. В материалистической социологии, которая защищает наемных рабочих, это называется классовым подходом. Энгельс, исследуя «Положение рабочего класса в Англии» писал:

«Буржуазия... и образование дает им (рабочим) лишь в той мере, в какой это отвечает ее интересам».

Маркс в первом томе «Капитала» повторяет то же:

«Дальнейшее доказательство можно найти в речи Сеньора, произнесенной на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 году. Он указывает, что односторонний не производительный и продолжительный школьный день в старших и средних классах без пользы увеличивает труд учителей «и в то же время не только бесплодно, но и прямо во вред детям расточает их время, здоровье и энергию».

Сказано прямо, как про сегодняшний день.

Впрочем, сегодняшний день сложнее. Представим нескончаемую мусорную свалку, в которой лишь редко модно найти полезную вещь и то, если долго в мусоре копать. В ней ненужное всё блестит ярче нужного. Это интернет. Перед этой свалкой – юная душа: выбирай, что хочешь! Это сегодняшняя реальность, отражающая общество во всей его очумелости. Нет, конечно, интернет, вне сомнения, это технический прогресс и большие удобства. Одно не удобно – долго копать и можно вообще закопаться. Это взрослым. С детьми сложнее: родители их ведут в одну сторону, а интернет, разумеется, управляемый – уводит в другую. Виртуальная свалка общей лжи, всех душевнобольных бредней, рекламы потребительства довлеет над миром, а стало быть, и над каждой школой. Попробуй, школьник, не оторваться от здравого в жизни и услышать учителя на уроке!

Разгул перестройки.

Из общежития ПТУ я перебрался жить поближе к школе в общежитие Холодильного техникума. Там тоже работал из-за жилья. Лимитчик, или не лимитчик, учителю могли выделить квартиру не раньше, как лет через 10-15. Студенты здесь учились из северо-западных областей: Архангельской, Мурманской, Коми, Карелии. Общежитейская атмосфера в ПТУ, техникумах, у рабочих выражалась в пренебрежительном слове «общага». Жильцы все – люди, как люди, но есть какая-то свора, совершенно не воспитанная, асоциальная, пьянствующая, хамская, мешающая жить остальным. Небольшая кучка по ночам напивается пару раз в неделю, бродит по этажам, шумит; их все воспитанно сносят. Пьяная компания без драки обойтись не

может. В общежитии есть комендант, два воспитателя, обслуга хозяйственная и даже общественный Совет. Казалось бы выселить, если не умеют уважать всех живущих – и порядок. Но куда выселить? Да и канительно это: докладные, комсомольское собрание – выродившийся орган, педсовет. На педсовете найдутся добрые тетушки, которые в общежитии никогда не бывают, но станут защищать уже не однажды покаявшихся. Советский строй имел свои изъяны; одной из бед была показуха. «У нас нет бездомных» и вообще у нас все хорошо! Но было далеко не все хорошо. Искаженный социализм прихрамывал на все четыре ноги. Конечно, не было сегодняшних контрастов до идиотизма с бомжами, беспризорниками, массовыми пропаданиями людей и таким количеством самоубийств. Многое, из чего вытекали бьющие в глаза противоречия, нужно было срочно менять. Перестройка открывала новые надежды людям, но ввиду пассивности масс её заворачивали в самую реакционную сторону партийные выродки, «прихватизаторы» и криминал под содействие и аплодисменты капиталистов крупнейших стран.

В 1991 году я ушел из школы, но жил и работал воспитателем уже в Строительно-Монтажном техникуме. Между работой в это время сводил две группы студентов в Крым и во второй раз побывал в Туркмении. В Крым направлялись потому, что в другие места ездить стало невозможно из-за повсеместного бандитизма. В Туркменистане мы всей взрослой группой неожиданно вернулись в Советский Союз. В Ашхабаде дети ходили в пионерских галстуках и на всех улицах нам радовались гостеприимные туркмены. Там я встретился со знакомыми в Институте пустынь – единственном в мире такого рода НИИ. В археологическом городе Ниса еще работала на раскопках экспедиция из Ленинграда. Мы прошли в Туркмении два маршрута по Небит-Дагу и в Каракумах по Узбою. Узбой – удивительное высохшее русло Амударьи, которое впадала некогда вторым рукавом в Каспийское море. Русло не засыпается песчаными барханами, и в нём красивые пресные озера: удивительно контрастная природа совсем без людей. Я бредил уже кругосветным путешествием, не зная, как мы с женой попадем за границу. Хорошо, что съездил в этот удивительный край тогда. В последствии Туркмения закрылась по сегодняшний день от всего мира больше, чем Саудовская Аравия. В общаге, вернее во всех общагах, как и по всей стране, бушевал полный беспредел. «Беспредел» – народное название жизни всех осколков державы, которые по иронии истории станут называть себя суверенными.

...В два часа ночи я поднимаюсь по темной лестнице и иду на вопли и завывания. Это моя работа... Коридор длиной в 70 метров, горит одна тусклая лампочка; кругом грязь, стены все обшарпаны и во многих местах оббиты. На полу кровь, от большого пятна дорожка из капель в комнату. Около кроватного пятна полуразбитая трехлитровая стеклянная банка, поучаствовавшая в драке. Из комнаты выходит верзила, которого я знаю и ненавижу. Он студент, недавно заселившийся в общежитие. У него есть «видик» и все его «друганы», числящиеся и не числящиеся в общежитии по ночам смотрят голливудские боевики – новинка для неискушенных советских граждан. Верзила полупьяный здоровается со мной и заговаривает:

- Говорят, Вы альпинист! Я бы тоже сходил в горы...Как Вы не боитесь ходить здесь один по ночам...Я вас не понимаю...Вы смелый человек...

- Я вас всех тоже не понимаю.

Этот год состоял из многих таких тусклых картин. В памяти они держатся, как сюрреализм. У режиссера Рязанова есть фильм с таким же сценарием. Сцены фильма слабенькие по сравнению с тем, что мне пришлось видеть... «...Несчастья государственные остервеняют сердца людей», - писал Карамзин, характеризуя эпоху раннефеодальных смут в России. Страна сильно откатывалась назад.

В унисон жизни телевидение несло несусветную ахинею и освящало новые нравы. По центральному каналу сообщают сногшибательную новость! В Русском музее с картины Репина «Запорожцы», которые пишут письмо турецкому султану, сошел казак и прямо в музее изнасиловал иностранную леди, потому что она там оказалась одна. Об этой всей нашей стране, а не своей, рассказывала пострадавшая. Мой бывший коллега, любивший шутку, на это мрачно сказал:

- Теперь и я уволюсь со школы! – Потом ухмыльнулся и спросил, – интересно, который из казаков?

Этот сарказм нельзя было забыть.

Вскоре я покинул культурную столицу, про которую снимут фильм «Бандитский Петербург».

2020 г. Владимир Снатенков